

*Там, где живёт
любовь*

Стася Огонькова

Стася Огонькова
Там, где живёт любовь

«Автор»

2026

Огонькова С.

Там, где живёт любовь / С. Огонькова — «Автор», 2026

Что общего у бабушкиной свечки на окне и ангела с кувшином непролитых слёз? У колючего куста, который зацвёл, и зёрнышка, упавшего в землю? Все они — образы из этой книги. Книги, выросшей из православных притч, но рассказанной языком сказки, понятным и ребёнку, и взрослому. Каждая история здесь — маленькая ступенька. К прощению. К терпению. К любви, которая не требует награды. К Богу, который говорит с нами не в громе, а в тихом веянии ветра. Откройте этот сборник, если хотите согреться. Если ищете света. Если верите, что самая слабая свеча способна разогнать самую густую тьму.

© Огонькова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Свеча на окне	5
Глава 2: Зёрнышко в ладони	7
Глава 3: Два крыла	9
Глава 4: Царский сад и колючий куст	11
Глава 5: Сапожник и ангел	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Стася Огонькова

Там, где живёт любовь

Глава 1: Свеча на окне

В одном старом-престаром городе, где улочки были узкими, как ручейки, а дома с черепичными крышами жались друг к другу, жил мальчик по имени Тимоша. Жил он вдвоём с бабушкой в маленьком домике на холме. Окно их комнаты выходило прямо на пыльную дорогу, ведущую к городским воротам.

Бабушка Тимоши была необычной старушкой. Каждый вечер, когда солнце садилось и зажигались первые звёзды, она подходила к окну, зажигала свечу в глиняной плошке и ставила её на подоконник.

Свечка была самой простой, не восковой, не ароматной, а обычной сальной, и горела она тускло, едва разгоняя сумерки на два шага.

Тимоша однажды спросил: — Бабушка, зачем ты зажигаешь эту свечку каждую ночь? Она такая маленькая. Она даже нашу комнату толком не освещает. Тратишь спички, тратишь свечку... Лучше бы мы фонарь купили!

Бабушка улыбнулась, погладила Тимошу по голове и ответила: — Ты думаешь, я для нас её зажигаю? Посмотри в окно. Там, внизу, дорога. По ней иногда запоздалый путник идёт. Смотрит он на холм и видит наш огонёк. И знает, что здесь живут люди, что здесь тепло и можно попросить воды. А если и не попросит — всё равно на сердце у него станет светлее, ведь он в темноте не один.

Тимоша пожал плечами. Ему казалось это глупостью. Ведь свечка такая слабая! Что она может?

Прошло лето. Бабушка заболела. Так заболела, что уже не могла вставать по вечерам к окну. Тимоша хлопотал по дому, носил ей травяной чай, но про свечку совершенно забыл. Окно их дома теперь по вечерам было тёмным, как закрытый глаз.

Однажды ночью в дверь тихо постучали. Тимоша открыл. На пороге стоял усталый человек в дорожном пыльном плаще. В руках он держал узелок с хлебом и кувшин молока.

— Прости, мальчик, — сказал путник. — Я иду издалека. Я всегда ходил мимо вашего холма в темноте. Но раньше на вашем окне горел огонёк. Он был как маяк. Я знал: там живёт добрая душа. Сегодня я поднялся к вам, потому что окно тёмное. Я испугался, не случилось ли у вас беды. И принёс вам немного еды.

Тимоша застыл. Ему стало очень стыдно. Он вспомнил, как смеялся над бабушкиной слабой свечкой. Оказывается, её маленький огонёк был виден далеко-далеко, до самой большой дороги! Он согревал сердце незнакомого человека.

Он взял молоко для бабушки, а потом, когда путник ушёл, бросился к окну. Дрожащими руками он нашёл спички и зажёл новую свечу. Огонёк заплясал на подоконнике.

В эту минуту из спальни послышался слабый голос бабушки: — Тимоша... я вижу свет на стене. Ты зажёл свечу? — Да, бабушка! — крикнул он, глотая слёзы. — Вот и славно, — прошептала она. — Теперь я спокойна.

Свечка горела. Маленькая, робкая, но живая. И чудо произошло не снаружи, а внутри самого Тимоши. Он понял вдруг одну удивительную истину.

Мы часто думаем, что от нас ничего не зависит. Что мы слишком слабы, бедны, некрасивы или неумелы, чтобы помочь миру. Мы ищем больших подвигов. Но Богу нужна не наша громкость, а наше постоянство. Даже самая слабая молитва, даже самое маленькое доброе дело,

сделанное изо дня в день, — это и есть та свеча на окне. Мы можем никогда не узнать, кого согреет этот свет. Но в огромной тёмной ночи мира этот огонёк обязательно кто-то увидит.

Не презирай малого дела. Свеча не знает, кого она спасёт от тьмы. Твоё дело — просто гореть.

Глава 2: Зёрнышко в ладони

В одной деревне, что стояла на высоком берегу широкой реки, была маленькая деревянная церковь. А при церкви той жил старый-престарый священник, отец Николай. Был он тихим, сгорбленным, с белой как лунь бородой и светлыми, как у ребёнка, глазами.

И был у отца Николая помощник — мальчик Васятка. Он носил воду, звонил в колокол, чистил лампадки. И была у Васятки одна большая-пребольшая мечта: он хотел стать самым лучшим, самым первым, самым заметным.

«Вот вырасту, — думал он, — стану великим человеком. Все будут говорить: „Это Васятка! Он лучше всех!“»

Однажды в соседнее село прислали нового батюшку — молодого, красивого, с громким голосом. И народ стал говорить:

— Вот какой батюшка! И проповедь у него как песня, и борода ровная, и поёт красиво. А наш-то отец Николай совсем старый, тихий, говорит еле слышно...

Васятка слушал это, и на сердце у него становилось горько. Ему казалось, что их с отцом Николаем обошли, обделили, оставили в тени.

Прибежал он к отцу Николаю весь взъерошенный и выпалил:

— Батюшка! Почему вы не стараетесь? Почему не говорите красивых речей? Почему не звоните громче? Там, в соседнем селе, новый священник всех за пояс заткнул! Что же мы теперь — хуже всех?

Отец Николай молча выслушал эту горячую речь. Потом опустил на скамейку, взял Васятку за руку и сказал:

— Пойдём-ка со мной.

Они вышли в маленький церковный садик. Там росли подсолнухи, а на грядках зрели тыквы. Отец Николай подвёл Васятку к сухой земле у забора.

— Дай мне зёрнышко, — попросил он.

Васятка порылся в кармане, нашёл пшеничное зёрнышко и подал его батюшке. Отец Николай бережно взял его двумя пальцами и спросил:

— Что это?

— Зёрнышко... — удивился Васятка. — Маленькое совсем, невзрачное.

— Хорошо. А теперь смотри.

Батюшка присел, разрыхлил сухую землю и аккуратно положил зёрнышко в ямку.

— Видишь что-нибудь? — спросил он.

— Ничего не вижу! — ответил Васятка. — Земля как земля.

Отец Николай засыпал ямку, притоптал ладонью и полил водой.

— А теперь смотри, — повторил он. — Я это зёрнышко в землю убрал. Его больше не видно. Его как будто и нет вовсе. Оно лежит в темноте, в сырости, одно-одинёшенько. Его никто не хвалит, им никто не любит. Но именно там, в темноте и тишине, оно начнёт прорастать. И однажды из него поднимется колос. А в колосе будут десятки новых зёрен.

Васятка молчал.

— Человек как зёрнышко, — тихо продолжал отец Николай. — Не тот велик, кто громко кричит и красуется на виду. А тот, кто умеет расти в тишине. Кто не боится быть незаметным. Кто делает своё малое дело с любовью. Господь смотрит не на то, как мы выглядим перед людьми, а на то, что у нас внутри. Понимаешь?

Васятка кивнул. Но на душе у него всё ещё оставалась колючка обиды. За другого батюшку, за себя, за то, что их не ценят.

Прошла зима. Наступила весна, а с ней пришла беда: река разлилась так, что снесла мост. Соседнее село, то самое, где служил молодой красивый батюшка, оказалось отрезанным от мира. Люди там голодали.

И тогда отец Николай, ни слова не говоря, запряг старенькую лошадку, нагрузил телегу мешками с мукой, крупой и сушёной рыбой и отправился в объезд, через лес, дальней тропой. Васятка увязался с ним.

Дорога была трудная. Лошадка спотыкалась, колёса вязли в грязи. А когда добрались до села — народ высыпал навстречу. И молодой красивый батюшка вышел, заплаканный, и сказал:

— Отец Николай... Простите меня. Я думал, что я здесь самый нужный. А пришла беда — и ни голос мой, ни борода моя не помогли. А вы тихий, а пришли первым.

И тогда Васятка всё понял.

Колос склоняется, когда созревает. А пустой колос торчит вверх. Не важно, громко ли ты живёшь или тихо. Важно, успеешь ли ты прийти на помощь, когда тебя позовут. И успеешь ли спрятать себя, как зёрнышко, чтобы из твоей любви вырос хлеб для другого.

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода». (Ин. 12:24)

Теперь Васятка знает: самое важное растёт в тишине.

Глава 3: Два крыла

В одном большом городе, где золотые купола церквей отражаются в витринах магазинов, а люди вечно спешат по своим делам, жила-была девочка по имени Даша. Училась она хорошо, родителей слушалась, в храм по воскресеньям ходила. Всё у неё было правильно. Но было у Даши одно тайное чувство, в котором она сама себе боялась признаться.

Она смотрела на нищего, сидящего у церковных ворот, — и ничего не чувствовала. Проходила мимо. Она слышала, как мама вздыхает о ком-то: «Заболела бабушка Сима, помочь бы ей», — а внутри Даши была только одна мысль: «А меня это не касается». Она знала наизусть молитвы, но слова их были как сухие листья — правильные по форме, но безжизненные.

Однажды, после долгой зимы, Даша тяжело заболела. Болезнь была странная: ноги вдруг перестали слушаться. Лежит она в постели, смотрит в потолок, и кажется ей, что весь мир сжался до размеров комнаты. Подружки забыли, солнце не греет. Даже молиться не получается — слова есть, а сердце молчит.

В один из таких серых дней пришла её дальняя родственница, тётя Вера. Женщина она была простая, неучёная, работала в пекарне. Пришла, села на край кровати, ничего особенного не говорила. Посидела, повздыхала, поправила одеяло и ушла.

На следующий день пришла снова. Принесла горячего хлеба, завернутого в чистое полотенце.

— Ты, Дашенька, не горюй, — сказала она. — Вот хлебушек свежий. Я тебе его с молитвой пекла.

— С какой молитвой? — слабо спросила Даша. — Вы же, тётя Вера, кажется, даже «Отче наш» наизусть не знаете до конца...

— Ох, не знаю, девонька, — вздохнула тётя Вера и засмушалась. — Я ведь учёная не сильно. Стою у печи, мешу тесто, а сама Богу говорю как умею. «Господи, — говорю, — помоги Дашеньке. Пусть этот хлебушек станет ей лекарством. А если я плохо живу и грешу много, то накажи лучше меня, а девочку подними на ножки». Вот так и мешу, пока тесто не заплачет.

Даша слушала и чувствовала, как что-то тёплое растекается в груди. Не от хлеба — от этих слов. Тётя Вера готова была взять чужую боль и наказание себе забрать, только бы девочка выздоровела. Это была не заученная молитва. Это была любовь.

— Тётя Вера, — прошептала Даша. — А как же вы... разве так можно? Разве Бог услышит простую пекарку?

— А как же! — удивилась тётя Вера. — У птицы-то, глянь, два крыла. Одно — вера, другое — любовь. На одном крыле далеко ли улетишь? Только кружиться будешь на месте. А на двух — до самого неба долететь можно.

И тут Дашу будто осенило. Она-то жила всё время на одном крыле — на правильной, заученной вере. А любви в ней не было. Она знала молитвы, но не молилась за других. Она знала, что такое добро, но не делала его руками.

В ту ночь Даша впервые помолилась не за себя. Она долго лежала в темноте и просила Бога не о своих ногах, а о той самой старенькой бабушке Симе, о нищем у ворот, о тёте Вере, у которой болят руки от тяжёлой работы, и обо всех, кто сейчас, в эту минуту, плачет.

А утром она проснулась от того, что луч солнца щекотал ей пятку. Пятка чувствовала щекотку! Даша пошевелила пальцами — они слушались.

Это не было громким чудом с громом и молнией. Это было тихое, как дыхание, чудо. Чудо, которое произошло не снаружи, а внутри.

Когда Даша встала на ноги, первым делом она пошла не гулять и не хвастаться. Она пошла в храм, нашла того самого нищего у ворот, и просто села рядом. Просто спросила, как

его зовут, и отдала ему хлеб, который сама испекла. Руки у неё дрожали, тесто вышло кривым, но это был самый вкусный хлеб в её жизни.

Вера без любви — как птица с одним крылом. Можно махать им изо всех сил, но от земли не оторвёшься. А когда вера и любовь вместе — человек воспаряет так высоко, что звёзды становятся ближе. И главное чудо — не ходить ногами, а ходить в любви.

Глава 4: Царский сад и колючий куст

Давным-давно, в те времена, когда вера была крепче, а чудеса случались чаще, жил в одном монастыре старый монах по имени Герасим. Был он известен далеко за стенами обители: люди приходили к нему за советом, за исцелением, за добрым словом. Говорили, что молитва у него такая сильная, что даже безнадежно больные поднимались с постели.

Был у старца Герасима ученик — молодой послушник Иоанн. Юноша он был ревностный, горячий. Всё ему хотелось поскорее: поскорее научиться творить чудеса, поскорее стать великим молитвенником, поскорее спасти весь мир.

— Отче, — говорил он, падая на колени, — научи меня такой молитве, чтобы камни расступались! Чтобы больные исцелялись от одного моего слова! Я хочу служить Богу великими делами!

Старец Герасим слушал его горячие речи, улыбался в седую бороду и отвечал: — Хорошо, чадо. Я научу тебя. Но сначала ты должен выполнить одно послушание.

Иоанн просиял. Он ожидал, что старец пошлёт его в затвор, велит молиться тысячу дней без сна или стоять на камне босиком зимой. Но Герасим повёл его на задний двор монастыря. Там, у самой стены, рос огромный колючий куст. Ветки его были корявыми, усеянными длинными острыми шипами. Он не цвёл, не давал плодов, только царапал каждого, кто проходил мимо.

— Вот, — сказал старец. — Видишь этот куст? Тебе надлежит поливать его водой из колодца каждый день. Ровно год.

— И всё?! — изумился Иоанн. — Поливать колючку, от которой никому нет пользы? Да её давно пора вырубить и сжечь!

— Год, — спокойно повторил старец, перекрестил юношу и ушёл.

Иоанн был в ярости. Он мечтал о подвигах, о битвах с бесами, о великих чудесах, а ему велели поливать бесполезный куст! Но послушаться старца он не посмел.

Начались долгие дни. Иоанн таскал тяжёлые ведра от колодца. Шипы царапали ему руки и лицо. Куст стоял такой же колючий и уродливый. Проходили недели, месяцы. Иоанн поливал.

Он поливал в жару, когда пот заливал глаза. Он поливал в дождь, когда вода лилась и с неба, и из ведра. Он поливал осенью, когда ветер срывал листья. Он поливал зимой, пробивая лёд в колодце.

И постепенно внутри него что-то начало меняться. Злость ушла. Обида растаяла. Вместо них пришло странное, неожиданное чувство. Он стал смотреть на этот корявый куст иначе. Он заметил, как утром на шипах блестят капли росы. Как воробьи прячутся в его колючих ветках от кошек. Как солнце на закате красит его кору в розовый цвет.

Он поливал и однажды поймал себя на том, что разговаривает с кустом. — Потерпи, — шептал он. — Скоро весна. Может, хоть один цветочек дашь.

На исходе года, ранним утром, Иоанн вышел с ведром и замер. На самой старой, самой уродливой ветке, среди острых шипов, распустился цветок. Нежный, бело-розовый, с тончайшими лепестками. От него исходил такой дивный аромат, что у юноши закружилась голова. А следом раскрылся второй, третий, десятый... Весь куст, который год назад был уродливым страшилищем, теперь сиял, как невеста в подвенечном платье.

И тогда, стоя перед этим цветущим чудом, Иоанн услышал за спиной тихие шаги. Старец Герасим положил руку ему на плечо.

— Вот теперь ты готов, — сказал он.

— К чему, отче? — прошептал потрясённый Иоанн.

— К тому, чтобы молиться за людей. Ты просил научить тебя чудесам. Я научил. Главное чудо — это не камень расколоть и не болезнь словом исцелить. Главное чудо — это полюбить то, что кажется уродливым и бесполезным. Полюбить и поливать каждый день, даже когда не видишь плодов. Ты хотел спасти мир? А мир — это такие же колючие кусты. Люди бывают злыми, корявыми, неприятными. Они будут царапать тебя шипами. А ты должен поливать их любовью. Год, два, всю жизнь. И однажды они расцветут.

Иоанн заплакал. Он понял, что целый год Бог учил его не магии, а любви. Самой трудной, самой терпеливой любви — к тому, кто не обещает цвести.

Не торопись совершать великие чудеса. Научись сначала поливать колючий куст. Тот, кто полюбил то, что полюбить невозможно, — уже сотворил самое главное чудо на земле.

Глава 5: Сапожник и ангел

В одном старинном русском городе, где над рекой плыл малиновый звон колоколов, жил сапожник по имени Емельян. Был он человеком небогатым, но честным. Мастерская его ютилась в полуподвале старого дома, и вывески над дверью не было. Но люди сами находили к нему дорогу, потому что сапоги, сшитые Емельяном, не снашивались годами, а подмётки не отрывались даже в самую лютую грязь.

Но не это было в нём главное. А главное было то, что Емельян никогда ни на кого не сердился. Соседи удивлялись:

— Как ты можешь, Емельян? Вчера купец Прохор тебя обругал последними словами за то, что ты просил заплатить долг. А ты ему в ответ — поклон и улыбку.

— Так ведь у него, наверное, своих забот полон рот, — отвечал сапожник, не отрываясь от работы. — Чего же мне на него обижаться? Он не со зла, он от тяжести своей.

— А мальчишки, которые тебя дразнят «заплаткой»?

— Дети есть дети. Вырастут — поймут.

— А жена твоя покойная, что тебя бросила с малышиками десять лет назад? Неужели и на неё зла не держишь?

Тут Емельян замолчал, откладывал шило и говорил тихо, но твёрдо:

— А за неё я каждый вечер свечку ставлю и молюсь. Не моё дело судить.

Слухи о незлобивом сапожнике дошли до одного богатого монастыря. И решил тамошний настоятель, отец Филарет, испытать Емельяна.

Пришёл он в мастерскую под видом простого странника. Сел на скамеечку и стал наблюдать.

А нужно сказать, что в тот день в мастерской творилось неведомо что. С утра прибежал мальчишка-посыльный, опрокинул банку с клеем прямо на готовые сапоги. Емельян только вздохнул: «Ничего, отмоем». Потом зашла сварливая торговка, требовала переделать каблук, который сама же вчера и одобрила. Емельян переделал бесплатно. Потом вор, которого поймали на базаре, прячась от погони, вломился к нему в подвал. Емельян спрятал его в чулане, а стражникам сказал: «Никого не видел».

— Ты зачем вора покрываешь? — ахнул отец Филарет, когда стража ушла.

— А он не вор. Он голодный. Я его знаю, он крал хлеб, чтобы сестру накормить. Если я его выдам, он озлобится на весь мир. А если я его прощу — может, одумается.

Отец Филарет покачал головой и ушёл, ничего не сказав.

А ночью, когда Емельян, усталый, опустился на колени перед иконой и стал читать молитву, случилось нечто необыкновенное. Лампадка вдруг вспыхнула ярким светом, и в углу мастерской проступила фигура. Это был Ангел. Но не такой, каким его рисуют на иконах — в золотых ризах и с сияющим нимбом. Одежды его были пыльными, крылья потрёпанными, а лицо — усталым. В руках он держал глиняный кувшин.

— Не бойся, Емельян, — сказал Ангел. — Я приставлен к тебе с самого твоего рождения. И сегодня я пришёл показать тебе кое-что.

Он протянул кувшин сапожнику. Емельян заглянул внутрь — кувшин был полон прозрачной, светящейся воды. Она переливалась и тихо звенела.

— Это твои слёзы, — сказал Ангел.

— Мои?! — изумился Емельян. — Да я вроде и не плакал ни разу с самого детства!

— Это слёзы, которые ты не пролил. Каждая обида, которую ты проглотил. Каждое злое слово, на которое ты не ответил. Каждая боль, которую ты спрятал от людей, чтобы не расстраивать. Люди думают, что ты бесчувственный. А на самом деле ты просто не позволяешь злу

течь из твоих глаз. Ты собираешь его вот сюда. — Ангел коснулся рукой груди Емельяна. — И там, внутри, эти слёзы превращаются в любовь.

Емельян смотрел в кувшин и молчал. А Ангел продолжал:

— Знаешь, как на Небе называют таких, как ты? Вас называют «родниками». Вы редко бываете на виду. О вас не пишут в книгах. Но именно такие души поят весь мир. Там, где прошёл святой с громкой проповедью, — часто остаётся только шум. А там, где тихо прошёл такой, как ты, — остаётся Христос.

И Ангел взял кувшин и вылил его содержимое прямо в воздух. И в тот же миг по всему городу — над базаром, над тюрьмой, над богатыми домами и нищими лачугами — пролился невидимый тёплый дождь. Люди, сами не зная почему, стали прощать друг друга. Мужья мирились с жёнами. Купцы прощали долги. Воры возвращали краденое. А мальчишки, дразнившие Емельяна, вдруг притихли и подарили ему краюху хлеба.

Наутро отец Филарет, который видел этот сон наяву, пришёл к Емельяну, поклонился в ноги и сказал:

— Прости меня, брат. Я тридцать лет в монастыре, книги читаю, посты держу, а такой любви, как у тебя, не имею. Ты без книг стал живым Евангелием.

Не тот велик, кто побеждает громкими подвигами, а тот, кто ежедневно побеждает самого себя. Сдержанть гнев труднее, чем сдвинуть гору. Простить молча — выше, чем проповедовать с амвона. Тихая любовь, которая не требует награды, — это и есть святость, доступная каждому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.